

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЯГКОЙ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИИ

Сорина Галина Вениаминовна,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
философский факультет,
кафедра философии языка и коммуникации,
научный руководитель научно-образовательного центра (НОЦ) «Философско-методологическое проектирование и принятие решений»,
доктор философских наук, профессор,
Москва, Россия,
E-mail: gsorina@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется идея «мягкой власти» в контексте проблем концептуализации, формирующейся в системе коммуникации. Проводится мысль о том, что одной из основ реализации возможностей «мягкой власти» в системе коммуникации является рационально выстроенный концептуальный ряд. Показывается, что общий схематизм концептуализации не зависит от конкретной сферы деятельности человека. Подчеркивается, что сконструированные нами понятия управляют нашей деятельностью, в частности, в качестве одной из форм реализации «мягкой власти».

Ключевые слова:

мягкая власть, мягкая сила, жесткая власть, коммуникация, аргументация, концептуализация.

Проблема «мягкой власти» в ее взаимоотношении с «твердой властью», «жесткой властью» — это отнюдь не проблема XX и XXI веков. Однако концептуализация проблемы, как известно, произошла именно в условиях современности в работах Дж. Ная. Сам факт концептуализации известной проблемы породил специальное исследовательское коммуникативное пространство, представленное как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Фактически анализ проблем «мягкой власти» в современной научно-практической коммуникации оказывается лишь частным примером значения концептуализации в реализации «мягкой власти» как таковой. Доказательству этого тезиса и будет посвящен последующий текст.

Одной из основ реализации возможностей «мягкой власти» в системе коммуникации является рационально выстроенный концептуальный ряд. Синонимичный ряд описания «другой власти» по отношению к «мягкой власти» не исчерпывается понятиями «твердая власть», «жесткая власть», он может быть продолжен. То же самое

можно сказать по отношению к понятию «мягкая власть», один из ее синонимов — понятие «мягкая сила». В то же время любые описания «мягкой власти», «мягкой силы» по отношению к «другой власти» предполагают форму реализации власти, непосредственно не связанной с использованием средств физического воздействия или воздействия через инструменты реализации государственной власти, в частности судебно-правовой системы. Вместе с тем «мягкая власть», например в процессе выработки, а затем реализации определенного концептуального аппарата, может быть использована для построения аргументации, обосновывающей необходимость применения «жесткой власти», включая военные силы, для защиты определенных интересов.

Именно концептуальный аппарат формирует обоснованность (или создает видимость обоснованности) принимаемых решений. Достаточно вспомнить трагические события, происходящие в современной Украине, и концептуальные ряды, которые используются в коммуникационном пространстве для их описания.

Один из таких концептуальных рядов описывает сепаратистов и экстремистов, другой – народных ополченцев, бойцов ДНР, но и в том, и в другом случае речь идет об одной и той же группе людей. Используемый концептуальный ряд является формой реализации «мягкой власти», действующей в различных сегментах коммуникационного, информационного пространств. Однако рационально выстроенная аргументация оборачивается в практической деятельности основанием для принятия решений по использованию «жесткой власти», в условиях Украины – соответствующей военной силы.

Оказывается, «концептуальная структура, которой пользуется политик для описания и анализа ситуаций и аргументации, очень жесткая. Человеку сложно сменить концептуальную структуру, и если он уже мыслит в какой-то системе концептов и категорий, то будет стремиться к тому, чтобы распространить эту структуру на все сферы (даже на те, к которым она изначально отношения не имеет)» [12, с. 53]. Концептуальная структура присутствует в любой модели аргументации.

Теория взаимодействия различных подходов к анализу аргументации на базе построения системной модели аргументации построена в нашей стране В.Н. Брюшинкиным, показавшим, как различные модели аргументации проявляются в разных текстах. В частности, он проанализировал *логические* модели аргументации, в которых аргументация рассматривается как один из видов логического вывода, *риторические* модели аргументации, в которых аргументация моделируется при помощи системы тропов и фигур, *когнитивные* модели, в которых аргументация представляется как конструирование и изменение моделей мира в когнитивной системе [2].

Он утверждал, что каждая из этих моделей, с одной стороны, эффективна в своей области; с другой стороны, каждая из них в отдельности оказывается ограниченной и в силу этого не позволяет представить целостную аргументацию в реальном тексте, в реальном коммуникативном пространстве. В связи с этим, с точки зрения В.Н. Брюшинкина, и возникает необходимость синтеза существующих подходов в рамках по-

строения целостной модели аргументации, которая объединяла бы в себе логический, когнитивный и риторический подходы. Созданную модель он назвал *системной моделью аргументации* (СМА) [Там же]. В рамках этой модели *аргументация* понимается им как акт коммуникации, в котором некоторый субъект сознательно производит изменения в системе убеждений другого субъекта путем обоснования или опровержения убеждений.

Принимая так понятую аргументацию в рамках письменной и устной систем коммуникации, хочу подчеркнуть базисный характер процедур концептуализации в любой модели аргументации, в частности, направленной на реализацию возможностей «мягкой власти». Концептуализация, на мой взгляд, оказывается несущей конструкцией любой системы аргументации, выступает в качестве особого «нерва интеллектуальной жизни». В частности, об этом писал Дж. Дьюи, анализируя роль понятия в процессе познания. Он подчеркивает, что любой вид познания, любая наука оперируют понятиями, которые представляют исследуемые ими объекты или явления. Понятия и суждения связаны между собой таким образом, что «всякое суждение, всякий рефлексивный вывод предполагает недостаток понимания, частичное отсутствие понятия... Увеличение запаса понятий приводит нас к осознанию новых проблем... Никакой объект не бывает настолько привычным, очевидным и обычным, чтобы не явиться неожиданно в новом положении проблемой и, таким образом, вызвать размышление, чтобы быть понятым» [9, с. 96].

Понятия формируются в практической деятельности человека через схватывание (*apprehension*). Неопределенность понятий ведет к неточностям и ошибкам. Точное ясное понятие позволяет выделить группу предметов. Сформулированное понятие, «закрепленное лингвистическим знаком, сохраняется для будущего употребления» [Там же, с. 137]. Фактически Дьюи как раз и описывает процедуру концептуализации.

Без умения оперировать понятиями невозможно решить какую бы то ни было интеллекту-

альную проблему. В процессе принятия решений, точно так же, как и в процессе обучения, человек оперирует не вещами, но понятиями, представляющими вещи. В силу этого интеллектуальная деятельность, включая процесс принятия решений, постоянно оперирует знаками, языком в широком смысле.

Сформулированное понятие, по Дьюи, «является действующим орудием для дальнейшего понимания, средством для понимания других вещей. Таким образом, понятие распространяется, чтобы включить эти вещи» [Там же, с. 103].

В 1910 г., когда Дьюи опубликовал свою книгу «How we think» (о том, как мы мыслим), идеи «мягкой силы» еще не обсуждались. Но это ничуть не умаляет его результаты по проблемам концептуализации, для которых вопрос о концептуализации в рамках использования «мягкой силы» является лишь частным примером.

Общий схематизм концептуализации не зависит от конкретной сферы деятельности человека.

Всякая наука начинается с введения и определения основных понятий своей предметной области, т. е. с концептуализации своей области. В свою очередь сами области знания представляются при помощи определенным образом заданных понятий вне зависимости от того, относятся эти области к теоретическому или эмпирическому знанию, естественнонаучному или гуманитарному. При этом уточнение предметной области, например, конкретной науки, приводит к уточнению понятия, представляющего данную предметную область.

Очень ярко это прослеживается в науках, имеющих многовековую историю. Достаточно вспомнить самые общие схемы истории развития, например, физики, химии, логики, права и т. д. Существуют сотни определений каждой из этих наук, уточнение содержания которых влечет за собой уточнение содержания основного понятия, представляющего конкретную науку. Более того, как верно подметил еще в XIX в. известный русский педагог К. Д. Ушинский, «каждая наука есть не более, как одно чрезвычайно обширное и сложное понятие... Для человека, изучившего науку вполне, вся она является одним понятием, историю образования которого он может довести

с конца до начала, т. е. до первичных суждений, до основных сочетаний из ощущений» [15, с. 601–602].

Эта мысль Ушинского перекликается с идеей Дьюи, который писал, что «одним из главных предметов науки является доставление для каждой типичной отрасли знания ряда понятий и принципов, настолько тесно связанных, что каждое соответственно определенным условиям вызывает другое, которое при известных других условиях подразумевает третье и т. д.» [9, с. 77]. Отличается ли это чем-нибудь от общей методологической позиции, связанной с процедурами концептуализации? На мой взгляд, нет.

Совершенно очевидно, что описанное выше положение дел распространяется не только на области знания, имеющие многовековую историю, но и на совсем молодые области знания, включая различные аспекты политического знания.

В конечном счете, не только любая теоретическая, но и любая практическая область знания всегда представлены понятием, системой понятий. Любопытно, что А. С. Пушкин определял талант в зависимости от того, как человек оперирует понятиями. Он связывал талант со способностью *к быстрому соображению понятий*.

Любое значимое имя в истории не только науки, но и культуры ассоциируется с каким-то определенным понятием или системой понятий, как, например, имя Дж. Ная ассоциируется с понятием «soft power».

Каждое реально существующее жизненное событие предстает перед нами в своей системе понятий. Мы живем не только в предметном мире, но и в мире понятий, которые во многом, явно или неявно определяют нашу жизнь. Например, в истории России был период, когда человек формировался в социально-политическом пространстве, в котором «хозяйничала» система понятий, куда входили в качестве совершенно необходимых следующие подсистемы:

- «октябренок», «пионер», «комсомолец», «коммунист»;
- «командир звездочки», «командир отряда», «председатель совета отряда», «председатель совета дружины», «председатель парткома», «секретарь райкома», «секретарь горкома», «секретарь обкома», «секретарь ЦК» и т. д.

Социально-политическое мироустройство обобщалось и конструировалось при помощи соответствующих систем понятий. Система мира менялась вместе с системой этих понятий; критика понятий и ситуаций, которые скрывались за ними, вела к критике системы, способствовала подрыву системы и в то же время реализации возможностей использования «мягкой силы». Подобные системы идеологических понятий не просто аналитически вводились, они конструировались согласно определенным правилам, соответствовавшим идеологической системе, в рамках которой и происходила концептуализация. Может быть, одно из основных отличий современного российского мироустройства как раз и заключается в том, что не существуют сдерживающие оковы выше обозначенной системы социально-политических, идеологических понятий. Но задача по их формированию уже вновь сформулирована.

Новые идеологические системы понятий, при помощи которых должно конструируется какое-то новое представление о мире, пока не разработаны, причем я отнюдь не уверена, что в условиях сетевого общества это возможно. Но без такой системы понятий в современном идеологическом, политическом пространстве «жесткая сила» оказывается без поддержки «мягкой силы», следовательно, возможности первой оказываются ограниченными.

Возвращаясь к анализу проблем концептуализации и функционирования различных понятийных стратегий, хотелось бы подчеркнуть следующее. Не только обозначенная выше, но и любая иная понятийная, категориальная система предлагает свое видение мира. В свою очередь это видение определяется представленной, сконструированной системой понятий. Именно поэтому борьба за понятия оказывается, как точно заметил П. Бурдьё, формой борьбы за власть. Деятельность в сфере выработки и классификации понятий, с его точки зрения, идет постоянно, «в каждый момент обыденного существования» [4]. Очевидно, что во всех сферах деятельности человека происходит борьба за право введения, определения и классификации понятийной сетки, которая будет представлять тот или иной фрагмент мира. Именно это и явля-

ется, на мой взгляд, одним из важнейших оснований реализации идеи «мягкой силы».

При этом очень важно заметить, что процедура конструирования понятий, их основные функции могут быть выделены вне зависимости от области, в рамках которой они конструировались. Все понятия репрезентируют реальную или виртуальную сферы деятельности человека.

Важнейшая функция любого понятия заключается именно в том, что оно *представляет* человеческому сообществу предметы внутреннего и внешнего мира, во-первых, через указание на некоторые признаки этих предметов и, во-вторых – через обобщение, собирание предметов, обладающих такими признаками, в определенный класс выделенных предметов. В этом смысле не составляет исключения и система понятий, группирующихся вокруг понятия «мягкая сила».

Можно говорить, что существует своеобразная «аксиоматика мышления», которая фактически задана в корневом понятийном ряду субъекта. Этот ряд складывается из систем:

- классических обыденных понятий типа «дорога», «дом», «стол», «стул» и т. д.;
- контекстуально обыденных понятий, сформировавшихся в результате проникновения в обыденный лексикон теоретических, научных понятий, приобретших социальную значимость (в качестве примера можно рассмотреть такие понятия, как «космос», пришедшее из философии Античности в современность, «космонавт», «телевизор», «компьютер», «интернет» и т. д.);
- профессиональных понятий.

Идея, применительно к системе профессиональных понятий, может быть проиллюстрирована высказыванием известного западного экономиста П. Хейне. Он утверждает, что «смотреть на вещи с точки зрения экономиста – это значит систематизировать хорошо известные всем явления с помощью таких понятий, как спрос, альтернативная стоимость, предельный эффект и сравнительная выгода» [16, с. 699].

В свою очередь, по аналогии можно утверждать, что *смотреть на мир сквозь призму проблем «мягкой силы»* – значит систематизировать различные факты и события, отталкиваясь от центрального понятия системы «мягкой силы».

Различные понятийные ряды могут иметь профессиональные и обыденные смыслы. При этом «степень объяснения каждого понятия никогда не является абсолютной; она всегда соответствует масштабам и интенсивности понимания структуры в целом» [10, с. 115].

Проиллюстрирую изложенную мысль примером из одной старой индийской сказки. Эту историю приводит в своей книге Г. Селье, выдающийся ученый XX в., создатель классического учения о стрессе, который ввел в науку само понятие «стресс».

Пример ему нужен для того, чтобы показать особенности функционирования абстрактных элементов мысли, их связь с практическим и теоретическим знанием. Сначала Селье утверждает, что, не будучи профессионалом в сфере современной физики, невозможно до конца постичь, например, идею кванта. Затем он показывает, что, не имея практического опыта, невозможно понять идею белизны как абстрактного элемента мысли. С помощью сказки Селье фактически проводит мысль о том, что отсутствие практического опыта мешает функционированию абстрактного мышления.

История, изложенная в сказке, выглядит следующим образом:

«Однажды слепой нищий спросил своего приятеля:

– Скажи мне, что такое «белый»? На что это похоже?

– Белый – это цвет, – ответил приятель. – Он похож на снег, который лежит в горах.

– Понятно, – сказал слепой. – Это холодный и мягкий цвет.

– Нет, не совсем. Бумага тоже белая.

– Тогда это тонкий и хрупкий цвет.

– Совсем не обязательно. Молоко тоже белое.

– Значит, он жидкий и съедобный? – озадаченно спросил слепой.

– Вовсе нет, – терпеливо продолжал объяснения его друг. – Белыми бывают разные вещи: и облака, и зубы, и борода старика, кстати, твои глаза тоже белые, потому что ты ими не видишь.

– Ну что же... – вздохнул слепой. – Это жесточайший цвет. Наверное, лучше всего мне и не пытаться понять, что это такое» [11, с. 253].

Сложность определения абстрактных объектов отмечалась еще в Античности. Например, Анаксагор, которого, как замечает Плутарх, «современники называли Умом», четко проводил различие между видимым и мыслимым. Секст Эмпирик писал: «Анаксагор противопоставлял утверждению «снег бел» рассуждение «снег есть замерзшая вода; вода черна, следовательно, снег черен» [1, с. 528]. Эти же идеи транслирует Цицерон. По его мнению, Анаксагор не просто отрицал белизну снега, «но и утверждал, что поскольку он знает, что вода, из которой образовался снег, черна, то снег даже не кажется ему белым» [Там же]. Не менее сложной оказывается задача по определению абстрактных объектов и в настоящее время.

Жесткие, раз и навсегда данные определения абстрактных предметов в развивающихся сферах научной, интеллектуальной деятельности – скорее редчайшее исключение, чем правило. При этом опять-таки неважно, какую сферу мы будем рассматривать – естественнонаучную или гуманитарную, производственно-техническую или управленческую, политическую или военную.

Язык и система понятий, которые мы используем в науке и в своем повседневном жизненном опыте, имеют одну и ту же структуру. Эта мысль Н. Бора, приведенная Г. Гейзенбергом, конечно же, носит общезначимый характер [5, с. 251–252].

Любые понятия являются идеальными объектами, в этом смысле все они оказываются порождением нашего разума и рассудка. Как известно, исторически первыми начали исследоваться особенности понятий, представляющих философское, математическое, логическое знание. Именно в рамках этого типа знания обсуждался вопрос о том, «какие идеализации и идеальные объекты являются порождениями нашего разума и рассудка, каков их статус в научных теориях и, наконец, каково их отношение к опытному знанию?» [13, с. 107].

В рамках философского, математического, логического знания начали исследоваться способы введения идеальных объектов, в качестве которых рассматривались понятия, предлагались схемы построения понятий согласно правилам,

порожденным конструктивной деятельностью человека. Но оказалось, что сама деятельность по анализу и конструированию понятий intersubъективна и междисциплинарна по своему характеру. Например, классическая математика оперирует понятиями, которые сконструированы разумом и выходят за пределы опыта. Такая характеристика относится к любому из понятий классической математики: «число», «натуральное число», «комплексное число», «отрицательное число», «трансфинитное число», «точка», «бесконечно удаленная точка» и т. д.

В рамках целостной интеллектуальной деятельности человека математика всегда занимала особое место. Она рассматривалась в качестве образца строгости, последовательности, истинности. Но даже «в математике – этом образце достоверности и истинности, – как замечает Д. Гильберт, – образование понятий и ход умозаключений... приводят к нелепостям (Курсив мой. – Г.С.)» [6, с. 349].

Как бы сам собой напрашивается вывод. Если неточности, ошибки в конструировании, определении понятий могут быть обнаружены в математике, почитаемой за образец точности, ясности, однозначности, они могут быть обнаружены и в любой иной области знания. Схематизм образования понятий в математике, на мой взгляд, ничем не отличается от аналогичной процедуры в других областях знания (например, в физике, химии, биологии, политике и т. д.). Более того, этот схематизм одинаково работает в любой сфере теоретической или практической деятельности человека, включая организационную или социально-политическую сферы.

Сама идея схематизма остается одной и той же. Различаются лишь области его приложения. Вместе с тем математические и даже философские образцы понятийных схем намного проще, на мой взгляд, поддаются анализу, чем примеры подобных схем в областях организационного или социально-политического знания. Возникает вопрос: «Почему?». Возможный вариант ответа может быть представлен следующим образом.

В первых двух областях не сталкиваются слишком жестко человеческие интересы – личностные и групповые, государственные и региональные. В них чаще всего «работают» иные

системы ценностей, иной уровень конкуренций между людьми, чем, например, в сферах рыночной экономики или политике.

Необходимо подчеркнуть, что *сконструированные*, может быть, порой «схваченные» нами понятия как на высочайшем уровне «абстракций и идеализаций» (например, в математике или философии), так и на иных уровнях бытия понятий *управляют нашей деятельностью*. Всегда важно помнить, что мы живем не только в предметном, но и в понятийном мирах. Именно последний и является одной из форм реализации «мягкой власти».

1. Анаксагор // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. – М.: Наука, 1989.
2. Брюшинкин В.Н. Достоинства и недостатки логического подхода к моделированию аргументации // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 12. С. 96–105.
3. Бурдые П. За рационалистический рационализм // Социо – Логос постмодернизма. М., 1996.
4. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
5. Гейзенберг Г. Физика и философия. Часть и целое. – М., 1990.
6. Гильберт Д. Основания геометрии. – М., 1948.
7. Гильберт Д. Естествознание и логика // Кантовский сборник. Вып. 15. – Калининград, 1990. С. 116–127.
8. Грязнов Б.С. Логика. Рациональность. Творчество. – М., 1982.
9. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. М., 1999.
10. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М., 1991, с. 113–169.
11. Селье Г. От мечты к открытию. – М., 1987.
12. Сергеев В.М. Новый подход к изучению аргументации // Модели рассуждений – 5. Аргументация, коммуникация, общество. – Калининград: изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 52–60.
13. Смирнова Е.Д. Роль идеальных элементов у Гильберта и Канта // Кантовский сборник. Вып. 15. – Калининград, 1990.
14. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. – М.: Гардарики, 2005 (2-е изд. – М.: Канон+, 2009).
15. Ушинский К.Д. Собр. соч. М. – Л., 1950. Т. 8.
16. Хейне П. Экономический образ мышления. – М., 1992.
17. Ярмук Ю.В. Профессионализм политической элиты: теория и практика. – М., 2002.

1. Anaxagor // Fragmenty rannix grecheskix filosofov. Ch. I. – М.: Nauka, 1989.
2. Bryushinkin V.N. Dostoinstva i nedostatki logicheskogo podxoda k modelirovaniyu argumentacii // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. 2010. Vyp. 12. S. 96–105.
3. Burd'e P. Za racionalisticheskij racionalizm // Socio –

- Logos postmodernizma. M., 1996.
4. Burd'e P. Sociologiya politiki. M., 1993.
 5. Gejzenberg G. Fizika i filozofiya. Chast' i celoe. – M., 1990.
 6. Gil'bert D. Osnovaniya geometrii. – M., 1948.
 7. Gil'bert D. Estestvoznaniye i logika // Kantovskij sbornik. Vyp. 15. – Kaliningrad, 1990. S. 116–127.
 8. Gryaznov B.S. Logika. Racional'nost'. Tvorchestvo. – M., 1982.
 9. D'yui Dzh. Psixologiya i pedagogika myshleniya. M., 1999.
 10. Mangejm K. Ideologiya i utopiya // Utopiya i utopicheskoe myshlenie. M., 1991, s. 113–169.
 11. Sel'e G. Ot mechty k otkrytiyu. – M., 1987.
 12. Sergeev V.M. Novyj podxod k izucheniyu argumentacii // Modeli rassuzhdenij – 5. Argumentaciya, kommunikaciya, obshhestvo. – Kaliningrad: izd-vo BFU im. I. Kanta, 2012. S. 52–60.
 13. Smirnova E.D. Rol' ideal'nyx e'lementov u Gil'berta i Kanta // Kantovskij sbornik. Vyp. 15. – Kaliningrad, 1990.
 14. Sorina G.V. Prinyatie reshenij kak intellektual'naya deyatel'nost'. – M.: Gardariki, 2005 (2-e izd. – M.: Kanon+, 2009).
 15. Ushinskij K.D. Sobr. soch. M. – L., 1950. T. 8.
 16. Xejne P. E'konomicheskij obraz myshleniya. – M., 1992.
 17. Yarmak Yu.V. Professionalizm politicheskoy e'lity: teoriya i praktika. – M., 2002.

CONCEPTUAL FOUNDATION OF SOFT POWER IN THE SYSTEM OF COMMUNICATION

Sorina Galina Veniaminovna,

Moscow State University after M. V. Lomonosov,
Faculty of Philosophy,
Department of Philosophy of Language and Communication,
Scientific Director of the “Philosophical and Methodological Design and Decision-making” research and education centre,
doctor of philosophical sciences, professor,
Moscow, Russia,
E-mail: gssorina@mail.ru

Annotation

This article analyses the idea of «soft power» in the context of problems of conceptualisation that develops in the system of communication. The author argues that one of the prerequisites for the implementation of soft power in the system of communication is a rationally constructed concept sequence. It is shown that the general schematic nature of conceptualisation does not vary depending on the area of human activity. The author stresses that the concepts we construct steer our activities, in particular, as a manifestation of soft power.

Key words:

soft power, hard power, communication, argumentation, conceptualisation.